

Азбука
PREMIUM
РУССКАЯ ПРОЗА

К Н И Г И

Аркадия и Георгия Вайнеров

в серии

«Азбука Premium. Русская проза»

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

ПЕТЛЯ И КАМЕНЬ В ЗЕЛеной ТРАВЕ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПАЛАЧА

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

ОБЪЕЗЖАЙТЕ НА ДОРОГАХ

СБИТЫХ КОШЕК И СОБАК

НЕ ПОТЕРЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

УМНОЖАЮЩИЙ ПЕЧАЛЬ

ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР

Умножающий печаль

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 14

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-22193-2

© Г. А. Вайнер (наследники), 2003
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Сергей Ордынцев:

ЭКСТРАДИЦИЯ

— Ты очень хитрый парень, — сказал Пит Флэнаган, повернул руль налево, и мы покатали в сторону Трокадеро.

Спорить с ним бессмысленно, как забивать лбом гвозди. Да и вообще разговаривать неохота. Жестяной пузырь машины был заполнен щемящей золотой песней саксофона Птицы Чарли Паркера, протяжной, сладкой, плотной, как облако из сливочного мороженого.

Через окно я рассматривал скачущее отражение нашей машины в зеркальных витринах — черный юркий «ситроен» с проблесковым синим фонарем на крыше. Его тревожный пульсирующий свет был неуместен в этом мягком воскресном утре, еще не увядшем от подступающей жары, от потной людской суеты, не задушенном синеватым угаром автомобильного дыма.

— Я не хитрый, — ответил я Флэнагану, когда мы выскочили на набережную и погнали по правому берегу. — Я задумчивый. По-русски это называется «мудак»...

— Правда? — переспросил на всякий случай Пит, хотя ему было все равно.

— Абсолютно, — заверил я серьезно. — Так и запомни: захочешь русскому сказать приятное, смело говори: вы, мол, месье, мудак... Это русский эвфемизм понятия «доброжелательный задумчивый мудрец».

— Запомню, — пообещал Флэнаган и повторил вслух: — Мьюдэк...

— Во-во! Так и говори...

Слева над рекой торчала Эйфелева башня, на которой полыхало неживыми белыми сполохами электрическое табло — «До 2000 года осталось 534 дня».

И что? Что теперь делать?

Воздетый в безоблачное голубое небо, фигурно скрученный железный перст торжественно и грозно предупреждал ни о чем — если бы там, в туманном небытии, через 534 дня должно было что-то случиться, от нас бы это тщательно скрывали. Мы живем в замечательное время, когда никого ни о чем заранее не предупреждают. А раньше нешто предупреждали? Разве что пророки о чем-то жалобно просили народы. Да кто же их когда слушал? Интернета тогда на нашу голову не было.

— Пит, ты знаешь, что через пятьсот тридцать четыре дня наступит новый век? — спросил я Флэнагана.

— А ты что, считал их? — усмехнулся Пит.

— Нет, я в управлении разведки подсмотрел секретный доклад — они предполагают, что это достоверная цифра. Ну, может быть, пятьсот тридцать шесть... Это ведь никогда до конца не ясно...

— Угу, — кивнул серьезно Флэнаган. — Скорее бы...

— А что случится?

— На пенсию можно будет уйти. Надоела мне наша собачья работа, — равнодушно сказал Пит.

— Да брось ты! Всякая работа — собачья. Не собачий только отдых, — глубокомысленно заметил я. — Но отдыхать все время нельзя.

— Это почему еще? — искренне удивился Пит.

— Отдых превратится в работу. Будешь мне жаловаться: надоел мне этот собачий отдых...

— Дурачок ты, — усмехнулся Пит. — Молодой еще...

Мы уже проехали Дефанс, миновали громаду Большого стадиона, сквозанули на оторут 9 — в сторону аэропорта Шарля де Голля. И от этой утренней воскресной пустоты, от желто-голубого света, окутывающего город золотистой дымкой, от печально-сладкой музыки

Чарли Паркера, от никнущей малахитовой зелени бульваров охватывало меня чувство щемящей грусти, смутного ощущения прощания, разлуки надолго, может быть, навсегда.

— Что будешь на пенсии делать, Пит?

— Жена присмотрела домик в Провансе. Там и осядем, наверное...

— А домой, в Шотландию, не тянет?

Флэнаган пожал плечами:

— Там уже нет моего дома... Там — скромный риэлтстейт. Старики умерли, ребята выросли, разъехались. Приятелей встречу на улице — не узнаю...

— Тогда покупай в Провансе, — разрешил я. — Буду к тебе наезжать, съездим в Грасс, там дом Бунина...

— Какой-нибудь новый русский?

— Нет, это очень старый русский...

— Богатый? — поинтересовался Пит.

— Умер в нищете.

— Странно, — покачал головой Пит. — Я не видел во Франции бедных русских.

— Оглянись вокруг. Вот я, например...

— Потому что ты — доброжелательный мудрец, задумчивый мьюдэк, — утешил Пит.

— Вот это ты очень правильно заметил, — охотно подтвердил я.

Город уплывал вместе с волшебной мелодией Паркера, которую почти совсем задушил, измял, стер тяжелый басовитый рык турбин взлетающих и садящихся самолетов. Индустриально-грущобная пустыня предместья, нахально рядящаяся под пригород Парижа.

— Я хочу рассказать тебе смешную историю, Пит...

Флэнаган, не отрывая взгляда от дороги, благодушно кивнул, наверное, сказал про себя по-английски: мол, валяй, мели, Емеля...

— Я в школе ненавидел учебу...

— Да, ты мало похож на мальчика-отличника, — сразу согласился Пит.

— На всех уроках я читал... Закладывал под крышку парты книгу — и насквозь с первого урока до последнего звонка. У меня не хватало времени даже хулиганить.

— Много упустил в жизни интересного, — заметил Флэнаган.

— Наверное. Я был заклятый позорный троечник — я никогда не делал домашних заданий и отвечал только то, что краем уха услышал на занятиях, читая под партой книгу. На родительских собраниях классная руководительница Ираида Никифоровна...

— Только у поляков такие же невыносимые имена, как у вас, — сказал Флэнаган.

— Не перебивай! Моя классная руководительница говорила маме: у вас мальчик неплохой, но очень тупой. Тупой он у вас! Тупой...

— Dumb? — переспросил Пит.

— Yes! Dumb, bone head — костяная голова, тупой!

Флэнаган захохотал.

— Вот ты, дубина, смеешься, а мама, бедная, плакала. Спрашивала растерянно учительницу: почему? Почему вы говорите, что он такой тупой? А Ираида Никифоровна ей твердо отвечала: это у вас с мужем надо спрашивать, почему у вас сын такой тупой!

Флэнаган взял со щитка голубенькую пачку «Житан», ловко выщелкнул сигарету, прикурил. Прищурившись, выпустил тонкую, острую струю дыма, покачал головой и сказал решительно:

— Это невеселая история, она мне не нравится...

— У вас, шотландцев, ослаблено чувство юмора...

Машина начала с мягким рокотом взбираться на спиральный подъездной пандус аэропорта.

— Это веселая история, — упрямо сказал я.

— Наверное, у вас, русских, действительно усилено чувство юмора, — пожал плечами Флэнаган.

— Ага! Как рессоры на вездеходе. Иначе не доедешь...

— По-моему, доехали, — сказал Пит, притормаживая у служебного входа.

Я взял с заднего сиденья свою сумку и повернулся к Флэнагану:

— Я рассказал тебе веселую историю. И для меня важную...

— Почему?

— Одна знакомая встретила недавно эту учительницу — Ираиду Никифоровну. Двадцать лет прошло — она старая стала, сентиментальная, все расспрашивала о наших ребятах, у кого что получилось, как жизнь сложилась. И моя знакомая по дуруости сказала, что самая яркая, неожиданная судьба вышла у меня. Классная руководительница послушала ее, послушала обо всех моих прыжках и ужимках, вздохнула и подвела итог: «Как все-таки несправедлива жизнь. Ведь такой тупой мальчик был!»

Флэнаган открыл бардачок, достал плоскую фляжку и протянул мне:

— Возьми... Может, пригодится, это хороший деревенский бренди.

— Спасибо, друг...

Я приспособил фляжку в кармане куртки, хлопнул Пита по плечу и вылез из машины. Он наклонился к двери, опустил стекло и сказал:

— Это была невеселая история...

— Нет, это была веселая история, Пит. Просто мы с тобой догадались, что старая карга была права... Пока, дружище! — махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел в аэровокзал.

«Ситроен» с резиновым колесным визгом погнал прочь, беззвучно разъехались стеклянные двери передо мной, и я вошел внутрь праздника.

Удивительное гульбище, полное света, музыки, вкусных запахов, веселой и тревожной беготни, экзотических пассажиров — каких-то полуодетых ликующих негров и растерянных заблудившихся шикарных господ. Я вошел в атмосферу звонкого и чуть испуганного ожидания смены воздушной и земной стихий, мелькания реклам,

внушительной зовущей неподвижности огромных билбордов, восторженного удивления от нескончаемого путешествия в прозрачных трубах стеклянных эскалаторов. А закончился праздник у дверей полицейского офиса, где усатый жандарм в опереточной форме спросил меня вполне драматическим тоном:

— Что вам угодно, месье?

— Я — старший офицер Интерпола Сергей Ордынцев, — и протянул ему удостоверение.

Жандарм долго внимательно рассматривал коричневую кожаную книжечку, перевел суровый взгляд с фотографии на меня, скромного предьявителя, снова посмотрел на фото и, к моему удивлению, все-таки возвратил ксиву:

— Да, месье Ординсефф, вас уже ждут...

В офисе было полно народу — полицейские в форме, детективы в гражданском, клерки из министерства юстиции, российский консул Коля Аверин и еще четверо русских. Трое из них, несмотря на вполне приличные недорогие костюмы тайваньского или турецкого производства, мгновенно опознавались. Как русские, во-первых, и как менты — во-вторых. С толстыми буграми подмышечных кобур под пиджаками.

Русские — в смысле бывшие советские. Дело, наверное, не в национальности. Русский или татарин, вотяк или еврей — мы не растворяемся в европейском людском месиве. Будто пятая человеческая раса, существуем от других наособицу и отличимы от всех иных так же явственно, как белые, черные, желтые и краснокожие народы. Вот будет для будущих антропологов и этнографов загадочка — почему? В чем генетическая разница? Настороженное выражение лица? Колющий взгляд, исподлобья, в сторону — испуганный и атакующий одновременно? Не знаю. Никто не понимает. Я узнаю земляков в толпе даже со спины. По походке? У нас особенная стать? Бомжи и миллионеры, профессора и воры, молодцы и дедушки несут в себе незримую, но отчетливую

общность, которую ученые дураки из Гарварда назвали бы наследственной ментальностью зеков.

Мы все — выброшенная в мир мутация пожизненных арестантов. А, пустое! Не о чем и незачем думать. Все то, что не огонь, — то прах...

А вот четвертый русский был красавцем — настоящий валет из карточной колоды. Изящным взмахом головы откидывая назад шикарную гриву волос, молодой русский валет в пиджаке нежно-сливочного цвета, шелковой светло-голубой рубашке, широковатых элегантных трузерах, башмаках «Балли» и скромно поблескивающих на запястьях наручниках, он доброжелательно и снисходительно улыбался всем нам, суетливой толпе стрюцких.

Консул с распаренным бабьим лицом бросился мне навстречу:

— Сергей Петрович, мы уже волновались...

— Зря, — усмехнулся я и небрежно-значительно наврал: — Я никогда и никуда не опаздываю...

Поздоровался с французами, и в затхлой атмосфере полицейского участка еще долго летали, легкие и стрекочущие, как стрекозы, — «бонжур»... «коман сова?»... «рьен»... «бьен»... пока я не разрушил эту обстановку общей приятности:

— Господа, протокол экстрадиции арестованного готов. Согласны ли вы провести процедуру идентификации арестанта для передачи его российскому конвою?

— Да, французские власти завершили свою работу, — торжественно сообщил Пимашу, старший советник министерства юстиции, любезный прохвост и сука невероятная. Ведро крови из меня выщедил.

Я повернулся к красавцу-валету и попросил душевно:

— Встаньте, пожалуйста, и назовите внятно свое имя.

Роскошный валет, весь нарядно-ярко-красочный, будто только что сброшенный из новой хрусткой атласной колоды, встал и, так же любезно улыбаясь в элегантные блондинистые усики, сообщил:

— Меня зовут Смаглий Василий Никифорович, я гражданин России...

Пимашу, не понимающий по-русски и от этого особенно переживающий, что мы можем сговориться хоть и в его присутствии, но как бы в то же время за его спиной, перебил незамедлительно:

— Смаглий — это имя или фамилия?

Я постарался успокоить его:

— Смаглий — фамилия арестованного, его первое имя Василий. Это все есть в бумагах.

— Спасибо, — сказал Пимашу с озабоченным лицом, — у русских такие сложные имена.

— У поляков еще хуже, — патриотически заметил я.

А Смаглий учтиво кивнул и, глядя в упор наглыми синими глазами, молвил:

— Возвращаясь к тому месту, где этот козел меня бестактно перебил... — он кивнул в сторону старшего советника, — хочу подтвердить, что я являюсь гражданином России. Пользуясь присутствием здесь нашего консула, заявляю категорический протест в связи с моим незаконным задержанием грязной французской полицейшиной...

Смаглий сделал вдох, как певец на подъеме тона, и воздел над головой скованные наручниками длани:

— Я требую присутствия свободной прессы! Пусть она донесет из этих мрачных застенков мой гневный голос до сведения мировой прогрессивной общественности. И правозащитников из «Амнести Интернэшнл»...

— Все понял, — согласился я. — Консул Российской Федерации господин Аверин сделает соответствующую запись в протоколе экстрадиции. А в прессе я вам должен отказать.

— А почему? Боятесь? — захохотал Смаглий, как молежащий упырь над ангелицей.

— Что он говорит? — сразу возник Пимашу. — Почему арестованный веселится?

— Арестованный не веселится. Он обсуждает со мной второстепенные процедурные вопросы, — заверил я советника юстиции и сказал арестанту: — Слушай, Смаглий, хватит дурочку по полу катать. Запомни, я ничего не боюсь. Я опасаясь...

— Чего?

— Что тебе пресса навредит только. Для тебя сейчас — чем тише, тем спокойнее. А еще я опасаясь, что ты меня держишь за дурака и тянешь резину. Надеешься опоздать на этот рейс?

— А чего спешить? — засмеялся Смаглий. — Я что, завтра в Бутырки опоздаю?

Тут очень уместно вмешался консул Аверин:

— Господин Смаглий, это рейс Аэрофлота, и пока мы вас торжественно не погрузим на борт, поверьте мне, самолет никуда не улетит.

Смаглий вздохнул и подергал свои никелированные окувы:

— Ладно, как говорили в старину — сходитесь, господа... Банкуйте, псы глоданные...

Я взял со стола протокол и стал громко, с выражением — чтобы доставить удовольствие Пимашу — читать по-французски. Коля Аверин быстро переводил на русский — для Смаглия и конвоя.

— По международному запросу Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации Интерполом был произведен в сотрудничестве с французской полицией оперативный розыск и арест российского гражданина Василия Смаглия, обвиняемого в незаконной деятельности на территории России, США, Греции, Германии и Израиля...

Смаглий перебил меня:

— Отец моего дружка Зиновия Каца с детства говорил ему: «Зямка, никогда не воруй! А станет невтерпеж — не попадайся!»

— Зря вы не послушались папашу Каца, — отвлекся я на мгновение и продолжил протокольное чтение: — ...По документам, представленным российскими властями, Смаглий обвиняется в участии в организованной преступной группировке, банковских аферах, позволивших ему вместе с соучастниками похитить восемьдесят шесть миллионов долларов США, в отмывании денег, уклонении от налогов и других преступлениях...

— Ребята, имейте совесть! — возник снова Смаглий. — Хоть чуточку, обеды какие-нибудь от Уголовного кодекса оставьте еще кому-то! А то — все мне!..

— Смаглий, не перебивай меня, добром прошу, — сказал ему негромко.

И конечно, Пимашу сразу же забухтел под руку:

— Что говорит арестованный?

— Господин Смаглий все время задает мне внепроцессуальные вопросы. Я полагаю, обсуждать их сейчас несвоевременно. Можно продолжать?

— О да, конечно!

— ...Французские власти, рассмотрев представленные документы, сочли возможным для дальнейшего детального и продуктивного следствия экстрадировать Василия Смаглия в Россию, где арестованный обвиняется в совершении наиболее значительных, базовых преступлений...

Я посмотрел в прозрачные глаза Смаглия и спросил официально:

— Вам содержание протокола понятно? Тогда поедем домой, на родину...

Смаглий кивнул, задумался и вдруг громко запел старую песню Игоря Шаферана:

— «О воздух родины — он особенный, не надышишься им...»

Я махнул на него рукой и повернулся к французам:

— Господа, арестованный Смаглий идентифицирован по имени, документам, внешности, соответствию возрасту, дактилоскопическим отпечаткам и описанию татуировок на теле. Ему объявлен состав инкриминируемых преступлений и сообщено о выдаче властям России. Прошу всех официальных лиц подписать протокол...

И пошла писать парижская губерния: сначала, естественно, французы — человек пять, потом консул Аверин, старший группы конвоя майор милиции Котов, а последним — я. И, словно дождавшись этого великого мига, радио объявило о завершении посадки на рейс «Париж—Москва».

Я спросил у старшего конвойного Котова:

— Наручники?

Милиционер достал из кармана и протянул мне наручники. Смаглий, с интересом следивший за нашими маневрами, удивился:

— Зачем? Этого мало? — Он поднял скованные руки.

Я взял у французского детектива ключ, снял со Смаглия наручники, а майор Котов ловко застегнул на запястьях Смаглия свои — наши нормальные, добротные, отечественные ручные хомуты. Я отдал французу его имущество, пояснив недоумевающему арестанту:

— Это служебный инвентарь. На его материальном учете. Надо вернуть, а то он с бухгалтерией не расплюется.

— Это ж надо! — Смаглий от души расхохотался. — Вот гандоны штопаные — мелочной народ!

Я легонько похлопал его по спине:

— Понимаю, все понимаю — в твоем прикиде надо щеголять во французских браслетах. Но ты уж терпи, привыкать надо. Клифт на зоне — это тоже не «Версаче»! — И аккуратно стряхнул несуществующую пыль с лацкана его шикарного пиджака.

— Не срамись, земляк, — снисходительно усмехнулся Смаглий. — «Версаче» не употребляю. Это — «Валентино»! Почувствуйте разницу...

— Ну-у, тогда совсем другой коленкор, — серьезно согласился я.

Бесконечный сводчатый туннель, по которому горизонтальный эскалатор — движущийся тротуар — неспешно вез нашу конвойную процессию от аэровокзала к терминалу посадки в самолет. В мягком полумраке вспыхивала и гасла нескончаемая череда реклам, предлагающих нам все радости мира. Я смотрел на своих спутников — их лица от этих вспышек то ярко озарялись, то глухо меркли, и от этого монотонного, как бы праздничного мерцания возникало ощущение тревоги и напряже-

ния. Я закрыл глаза и пытался вспомнить, вновь озвучить золотую мелодию Чарли Паркера — и не мог.

Наверное, потому, что не мог выгнать из памяти то телячье-счастливое чувство восторга, надежды, ожидания чуда, которое я испытывал на этом эскалаторе давным-давно, когда ехал на нем впервые. В обратном направлении — из самолета в аэропорт. В Париж.

А сейчас из всего этого пиршества чувств, оргии предлагаемых радостей, огромной карточной сдачи жизни остался у меня на руках нарядный валет в наручниках, самая младшая карта из разбросанной по столу судьбы крапленой колоды. Консул Аверин деликатно постучал меня пальцем по плечу:

— Сергей Петрович, а вы-то зачем летите?

— Понятия не имею. Замминистра телеграмму прислал — срочно прибыть...

— А вы разве подчинены Москве? — удивился Аверин.

— Нет, — ухмыльнулся я. — Но в министерстве этого не знают или не помнят. И строго приказывают.

— А вы?

— А я выполняю. Международный чиновник — работа временная...

В полупустом салоне первого класса я усадил Смагля в предпоследнем ряду, к стенке, у иллюминатора, а сам уселся рядом, в кресле у прохода.

А тут и радиотрансляция включилась, стала рассказывать приятное:

— Уважаемые пассажиры! Наш самолет «Ил-86» совершает полет по маршруту Париж — Москва на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус пятьдесят шесть градусов. Расчетное время прибытия в аэропорт Шереметьево — двадцать часов сорок минут по московскому времени. Табло «не курить» погасло, вы можете отстегнуть привязные ремни и откинуть спинки в удобное вам положение. Сейчас бортпроводники предложат вам напитки и обед. Желаем вам приятного полета...

Смаглий толкнул меня плечом в плечо:

— Если не снимете браслеты, я не смогу отстегнуть привязные ремни...

— Ну и что будет?

— Как что? — удивился Смаглий. — Я ведь нарушу правила Аэрофлота. А для меня нарушать правила — боль сердечная, мука совести. Будь человеком, отомкни эту гадость, избавь от душевных страданий.

Я усмехнулся:

— Ага! Я тебя отстегну, а ты безобразничать начнешь...

— Господин криминальный начальник! Смеетесь над униженным и оскорбленным? Я что — с дуба екнулся? Под нами десять километров! Можно сказать, Маракотова бездна! Даю слово почетного потомственного миллионера! А оно, как золото, нетленно.

Я обернулся к сидящему позади нас майору Котову:

— Дай ключ...

Котов слышал наш разговор, неодобрительно покачал головой и, протягивая ключ, недовольно спросил:

— А если этот сраный миллионер станет выдуриваться здесь?

— Слушай, друг, долбаный по голове, мне что — жить надоело? — горячо вступил Смаглий. — Ты пойми — я жить ужасно люблю...

— Ну да! — хмыкает Котов — То-то подсчитали, срок жизни нового русского — тридцать четыре года.

— Может быть! — согласился Смаглий. — Значит, у меня еще три года в запасе. А потом на сверхсрочную останусь...

Я расстегнул наручники, и Смаглий с облегчением затряс затекшими кистями, потом наклонился ближе ко мне и громким театральным шепотом сообщил:

— Командир, ты расскажи своему цепному... Тот умник, что считал мне короткий срок, давно умер от голода.

Я откинулся на кресле, прикрыл глаза от слепящего солнечного света. Пассажиры в правой стороне салона

уже дремали, нацепив на глаза черные тряпичные очки из сувенирного бортового пакета. Мне было жутковато смотреть на них — будто компания несчастных безглазых слепцов сняла для увеселительного путешествия первый класс. Черные наглазники на безвольных, ослабленных лицах спящих людей...

Когда-то, ужасно давно, у нас выступал в университете слепой поэт Эдуард Асадов. У него были на лице вот такие черные тряпочные очки-повязки. Читал он страстно, с выражением и жестикуляцией — о весне, о зеленых листьях, о любви. Черные диски вместо глаз были неподвижны, без дна, без надежды. Как мгла направленной на тебя двустволки. Я не мог собраться, вслушаться, понять — я только смотрел в ужасные черные диски на лице.

Мои попутчики надели черные наглазники и нырнули в темноту. Может быть, во сне они видели весну, листву, баб?

Я посмотрел на их лица и решил, что скорее всего им видятся в темноте бабки...

Из кармана на спинке переднего сиденья я достал несколько ярких цветных журналов. С обложки «Коммерсантъ-Деньги» мне улыбался, осторожно и насмешливо, Сашка Хитрый Пес. Я слышал, что он стал очень крутым. Но не настолько? Поперек обложки размашистый заголовок: «Александр Серебровский: „Олигархи нужны России!“»

Молодой человек в стильных золотых очечках смотрел на меня с выражением «я вам всем цену знаю». В школьных учебниках в таких маленьких очках с тоненькой оправой щеголяли демократы-разночинцы — полоумный Чернышевский Николай Гаврилович и Добролюбов, уж не помню, как его там по батюшке, которых зачем-то разбудил Герцен.

Я стал листать журнал, чтобы узнать, зачем нужны России олигархи, — может, они тоже кого-то собираются будить, но Смаглий сказал мне:

Вайнер Г.

В 14 Умножающий печаль : роман / Георгий Вайнер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. — (Азбука Premium. Русская проза).

ISBN 978-5-389-22193-2

Знаменитые братья Вайнеры, авторы культовой книги «Место встречи изменить нельзя», иногда писали и поодиночке — и ничуть не хуже! Роман «Умножающий печаль» Георгия Вайнера посвящен теме больших, очень больших денег. Деньги — доллары, рубли, марки, франки — волшебная живая сила, прибывающая и тающая по своим законам, в девяностые годы пришли в постсоветскую Россию. В борьбу за них включились умные, сильные и азартные игроки. Но остается ли в их жизни важным что-то еще? Давняя дружба, например? Ставки все время растут, и вот в кризисном 1998 году сотрудник Интерпола Сергей Ордынцев пытается не позволить одному своему школьному другу убить другого, и уже почти невозможно разобраться, на чьей стороне правда и кто по-настоящему опасен.

По мотивам романа снят одноименный сериал 2005 года.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАЙНЕР
УМНОЖАЮЩИЙ ПЕЧАЛЬ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Золотова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.12.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 25,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AUP-31155-01-R